

Николай Почтовалов

Пьеса для испорченного
инструмента

ПРОЛОГ

ПОЧТИ ПРАВДА

Мутило... и продавленный диван
впивался зло пружинной в ягодицу..
Хотелось, братцы, даже удавиться,
но... за окном вдруг затынул баян.
Он не играл, он – плакал... Под вальсок
дворовый пес кивал хвостом кому-то..
Был час – как будто бы промежду суток –
затягивай потуже поясок..
Мечтал Иваныч, сплёвывая зло,
а тетка Марья, в стареньких калошах,
свистела: день-то – чудо, прехороший,
ишь, как с погодой нынче повезло!

Висел июль в прокуренном окне,
и было лень задёрнуть занавеску..
Её задернула услужливо невестка,
сказав: «Хотите? – Возражений нет».

Мелькнула мысль: ну, старина, пора:
конец и есть, наверное, начало!
И, оттолкнувшись молча от причала,
я зазвучал... на кончике пера.

ДИАГНОЗ

Охреневшая погода...

Запотевшее окно...

Сам себе кажусь уродом...

И вокруг... одно г...

ОТКРОВЕНИЕ

Бесконечность бытия
душу просто истощает...
Отпиваюсь ночью... чаем,
в чаелюбах состоя.

Размышляется впотьмах
о конце и о начале...
Запиваю мысли чаем
в недопонятых местах...

И, слетая с губ сухих,
мысли, что во мне кричали,
растворяясь в терпком чае,
превращаются в стихи...

А желудок без помех,
бытию обман прощая,
принимает вместе с чаем
и... раскаянье, и... грех...

ДУША И ОСЕНЬ

Осень, снег... и никому нет дела,
что душа, отдельная от тела,
то взлетает, то опять садится,
будто кем-то раненая птица...

С телом жить она сейчас не может:
пробежит мороз по тонкой коже —
и она от тела отлетает..
Дай ей Бог снежинкой не растаять...

Ах, это карельское лето —
сродни постоянной угрозе:
морозов-то, вроде, и нету,
но душу легко обморозить.

ЖИЗНЬ – КОЛЕСО

Нет, не хочу, не могу, не желаю, не стану
ветру о чём-то нашёптывать я у костра...
Было бы, знаю, конечно, немножечко странным,
если бы это признание случилось вчера...

Может быть, это – меня закружили метели?
Может быть, это – в душе проливные дожди?
Может быть, это – те листья, что прошелестели
и улетели, оставив меня позади?

А в облаках ослепительно белые птицы
машут крыльями беззвучно, как в старом кино...
Жизнь – колесо... Мы с тобой –
поржавевшие спицы...
Было, всё было, но очень, уж очень давно...

Было, всё было: костёр догорал на рассвете,
чмокала каша, чаёк закипал в котелке,
песнями душу в тумане расплёскивал ветер...
Было, всё было – как замок на жёлтом песке...

БЫЛО ЖАРКО

Было жарко...

Было жалко —

оттого, что всё постыло,
оттого, что — нет, а было,
что лицо назвали рылом,
сына в садике дебилом...

Стало жарко...

Стало жалко —

оттого, что нет чего-то:
старикам — давно почёта,
молодым — давно дороги...
Есть чего-то, но... не многим...

Будет жарко...

Будет жалко

оттого, что есть... свобода —
жить заведомым уродом...

ЖДУ...

Выстрела в спину отчаянно жду..
Ров до краёв всё ещё не заполнен..
Кто-то, быть может, об этом не помнит —
к счастью, но... будет вернее — к стыду..

Нет ни крестов, ни могил... Впереди
есть только ночь — безнадёжно бессонна..
В ней каждый звук отзывается стоном,
в ней — только эхо: жди, жди, жди...

МАЙНЭ ЛИБЭ

В небесах пространно темных:
майнэ либэ, майнэ либэ;
и в глазах немного томных:
майнэ либэ, майнэ либэ;
на песке следами в море:
майнэ либэ, майнэ либэ;
даже кошка на заборе:
майнэ либэ, майнэ либэ;
волны с берега смывают
майнэ либэ, майнэ либэ;
в звуках неизбежно тает:
майнэ либэ, майнэ либэ;
всё уходит, всё приходит:
майнэ либэ, майнэ либэ;
всё запутано в природе:
майнэ либэ, майнэ либэ...

Пахнет прелым...
Вспомнил юность:
поле, сено... А сутулость
будет позже... Запоздало
я пою глухому залу..
Он, конечно же, не слышит...
слышит, если только – слыше...
А под крышей – паутина,
в паутине – я, безвинный,
вроде мухи, бьюсь устало:
жизнь была и вдруг – пропала...
Знала, стерва, что когда-то
будет всё-таки расплата...

Дата, чёрт возьми, – пространна:
то ли – поздно, то ли – рано...

Плачет кто-то за окошком —
я не плачу, я — смеюсь:
мысли катятся горошком
прямо на пол... Ну, и пусть...
Собирать я их не стану:
собирал ещё вчера...
Как же всё на свете странно:
чаще, всё-таки — с утра...

СПЛИН

Прочту письмо без стоны и без крика:
прошло сто лет, как будто — миг один,
и только боль — занозой и уликой —
СПЛИН...

Ты пишешь: всё забыла и прощаю,
плачу за всё и сдача без нужды...
Куда ж ещё прощальней и слащавей? —
ТЫ...

Пусты слова, когда нет продолженья,
и чувства раздражающе пусты...
Что за проклятье, что за наважденье? —
ТЫ...

А мне давно уже не одиноко,
хоть миг судьбы в моей судьбе застыл:
везде, всегда, повсюду и... без срока...
ТЫ...

ЗА ДЕНЬ ДО СМЕРТИ...

За день до смерти буду жить,
не отвлекаясь на сомненья,
и будет за окном кружить
неуловимое везенье;
и снег растает на губах,
отдав своё мгновенье влаги,
и запульсируют в стихах
на сереньком клочке бумаги
мне непонятные слова:
о смысле жизни в этом мире,
о том, что жизнь всегда права,
о том, что только Бог помирит,
о том, что смертью не помочь
и жизнь, увы, не помогает..
Уже осталась — только ночь..
А, что потом, — никто не знает..

ХОЧУ ОГНЯ

Костры весенние отчаянно дымят..
С огнём весной всегда — из рук вон плохо..
А нам с тобой — тереть глаза да охать:
ну, отчего же листья вспыхнуть не хотят?

Они хотят, но... у желанья есть предел,
как и в стихах: как ты себя не мучай,
когда расплавишь лёд под листьев кучей,
погаснет пламя... Ты ж не этого хотел?

ДО

СЛУШАЙ

Слушай: может быть, услышишь...
Не услышишь, — не поймёшь.
Кто-то, может, рядом дышит, —
ты не слышишь: правда — ложь...
В облаках плывёт куда-то
зарифмованная боль...
Роль глухого воровата,
ты глухого не неволь:
он такой, каким когда-то
уродился. Жизнь глупа —
у него ума палата,
но душа, увы, слепа:
наугад бредёт по свету
и на ощупь ищет смысл...
Смысла в смысле смысла нету,
смысл — когда в раздумьях мысль.
Просто пишется порою
не о том. Прости, — устал:
трудно быть твоим героем —
я иллюзий не питал.

СКУЧНО

Холодеет рот от скуки,
ноет правое плечо,
вместо слов толпятся звуки,
зазывая на крючок...
И никак не разобраться:
щупай — всё равно не то...
в голом зеркале паяцем
ржёт безумный конь в пальто...

Не глумись, ноздря... Осколки
захрустели под пятой...
Скучно... нет от жизни толку
в этой комнате пустой...

ЗИМА (МИНУС 36 И 6)

Зима... Уныло и темно...
В пространстве — замкнутом и стылом —
как облачка, колечки дыма
плывут в замёрзшее окно...
Как будто вечность замерла
в столетних половицах пола...
Я к этой вечности приколот:
жизнь, как и комната, — мала...

Зима... И в липкой тишине
ворчать не прекращает тёща...
С ворчаньем жить, наверно, проще
моей простуженной стране...
И голоса едва слышны,
как на заброшенном погосте:
дожди перемывают кости —
они безропотно грешны...

Зима... Простуженный и злой,
хрипатый голос только жальче...
А в зеркале — уже не мальчик...
Увы, и тут не повезло...
И в комнате опять темно...

В пространстве — замкнутом и стылom —
моя душа колечком дыма
плывет в замерзшее окно.

ВАЛЬС НЕВПОПАД

Подметает город осень:
на траве пожухлой проседь,
в небе хмуром лета просинь
выцвела до дыр,
жёлтых листьев эполеты
на деревьях неодетых, —
только я и... бабье лето
путаем следы.

Все в округе поредело,
даже дворник — между делом,
да и то всегда несмело —
листьями шуршит..
Ты прости меня, прохожий,
что опять мы непохожи:
осень я свою не прожил,
нет нужды спешить.

Было всё, а что-то — мимо...
Это знать невыносимо...
Но давай судьбе простим мы
осень на дворе.

Ей бы — и зимой, и летом,
и весной — кружить по свету,
чтобы с песней недопетой
в костерке гореть...

БОМЖ-ПЕСНЯ

Мне, бездомному, несладко
жить на этом белом свете:
сам себе кажусь загадкой,
будто чёрт меня пометил.
Ветер всё в лицо да в душу,
дождь за шиворот без меры,
ночью будто кто-то душит, —
видно, я уже не первый...

Мне бы чистыми руками
по щеке тебя погладить,
мне б со свежими носками
жизнь семейную наладить,
мне бы спать в своей кровати
в тёплой комнате у стенки
и всегда — пускай некстати —
твои чувствовать коленки...

Мне бы многого хотелось
в этой жизни безутешной:
чтоб душе пилося и пелось —
без усилий и неспешно;

чтобы звёздочка в окошко,
чтобы дети и внучата,
чтоб удачи хоть немножко
да бутылочки початой...

Я бы жил на всю катушку!
А сегодня — в жизни тесно,
на глоток осталось в кружке...
Вот и кончилась песня....

МАЛЬЧИШКАМ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

В купе плацкартного вагона,
как сельди в бочке, — морячки,
и все, как будто бы знакомы —
не сыновья, а всё ж — сынки:
почти забытые улыбки,
почти забытые слова,
уже есть право на ошибки,
и жизнь — прекрасна и нова́...

Слова не выдохну пустые,
в глазах надеждой утону,
и отношения простые —
чтоб ощутить свою вину..
И волны Баренцева моря
перекрывают стук колес,
но морячок прибудет вскоре
туда, откуда чёрт унес...

Забуду выдох полупьяный:
там, братцы, лучше не служить, —
но буду помнить капитана,
который приказал им — жить!!!

И буду помнить страх в подлодке,
пропахшей потом всех морей...
Давай, моряк, по чарке водки
нальём – за наших матерей!

Мальчишечка, мальчишка,
не рви мне душу в клочья,
и так хватил я лишку
с тобой бессонной ночью.

МОЯ ПРОВИНЦИЯ

Провинциальная — до боли — тишина:
почти зима, почти весна, почти что лето,
почти что осень, — все четыре есть куплета,
а песни нет... поди, провинция грешна...

А я живу неброско и смиренно —
провинциальный, но российский гражданин...
Я не ломал судьбу через колено,
в пылу выскакивая из своих штанин...
Мне так хотелось быть всегда в порядке,
но чтоб — не выбиваясь из последних сил...
Я был, конечно, у страны — в остатке,
но и судьбой своей её быть не просил...

Я сплю спокойно... только на рассвете
уже лет десять нарушаю свой покой,
чтоб на вопрос единственный ответить:
вопросы-то моей провинции на кой?
Но в тишине рассветного молчанья
вопрос всегда висит в бездонной пустоте...
а в подсознание — не слова, — мычанье:
мы тоже граждане, но, кажется, не те...

Глубинка тянет лямку на пределе,
и у неё уже давно вопросов нет:
в России все портянки пропотели,
и душно жить во лжи растоптанной стране...
Но нам с тобой, глубинка, нет замены...
В провинциальности такая чистота,
что не дождёшься от неё измены, —
пустые хлопоты... не снять её с креста...

Провинциальная — до боли — тишина:
почти зима, почти весна, почти что лето,
почти что осень, — все четыре есть куплета,
а песни нет... А песня — есть...
Она в России просто не слышна...

ПИШИТЕ СТИХИ

Однажды грустил... но, увы, — не однажды...
Хотелось чего-то зачем-то. Бывает.
В окно билась птица... и в комнате стыло...
Душе одиноко — никто не поможет.
И лучше бы лучше! А в жизни — всё хуже.
Откуда такая надменная данность?
Грустить — непорядок. Но, кто его знает,
а вдруг эта грусть мне сегодня поможет
стихи написать? Беспардонная наглость —
сидеть и грустить, бесполезно и тупо.
Пишите стихи, несмотря на унынье.
Всё будет прекрасно! А может, и — лучше!

ПЬЕСА ДЛЯ ИСПОРЧЕННОГО ИНСТРУМЕНТА

А за окнами метель...
Мы друг друга так хотели!
Хоть и знали, что метели
замели постель....

Было стыло и темно:
холодеющие руки,
ускользающие звуки, —
и луна в окно...

Опускался потолок,
и сплетались наши тени...
Я устал просить прощенья,
ведь опять не смог...

Вороватая луна
все хи-хи-кала в окошко:
ну же, ну, ещё немножко...
Плакала жена...

А за окнами метель...
Мы друг друга так хотели!
Но проклятые метели
замели постель.

КОЛЛИЗИЯ

Дурачок, ты, Коленька:
был и... будешь — голеньким...
Ты не понял, родненький:
лучше быть угодником,
промолчать, а тряпочку
спрятать, чтобы лапочкой
в кругу быть проверенном...
Ну, а коль — не верил я,
вот, и вышел... Коленька,
будто в бане, — голенький.

СТОП-КАДР В СТИЛЕ НЮ

Я сижу, как умный, в пончо
под ленивым солнцем южным:
думать ни о чем не нужно,
будто жизнь уже закончил...

А на солнце снова пятна,
море — серое от лени,
и в костре шипят поленья,
бормоча, увы, невнятно;
волны хлюпают устало,
облака висят уныло —
время будто бы застыло:
жизнь меня совсем достала...

А гитара — звонче, звонче:
время года не помеха,
лишь бы жить в лучах успеха,
только всё же, братцы, в... пончо.

СМЕРТЬ ПОЭТА

В заполярном городишке
жил поэт — Япошкин Мишка:
всё кропал про снег и вьюгу,
чем-то был всегда напуган, —
жил, как все, и дул в ладошки,
чтоб согреться хоть немножко;
не японцем был, но прадед...
в Порт-Артуре был в осаде.

В октябре снежком прибило,
всё — как будто как и было,
но взгрустнул чегой-то Мишка:
показалось — амба, крышка...
темнота... мутит природа...
ишь, взяла себе за моду
голосить и колобродить
по квартире... Непогоде
в Заполярье дом родимый —
нет экстримнее экстрима...

Но прошло... и понемногу
Мишка ожил, слава Богу,
глянул в зеркало: ничё,

хоть сигай через плечо.
И опять писать вдогонку
про любимую сторонку.

Вдруг, откуда ни возьмися,
тенью в дверь скользнула Крыся...
Крыся – даже с полуслова,
Мишке быть женой готова.
Только Мишка, сын Япошкин,
был похожим на морошку:
отцветёт, а ягод нету..
Крыся знала всё про это,
но не ведала причины
отказаться от мужчины.

Мишка зеньками позыркал –
глядь, в листе бумаги дырка...
и, отчаявшись, в печали,
предложил присесть вначале.
Крыся завертела задом:
может, Мишенька, не надо,
может, я потом... Сама же
знала, что своё доскажет.
Мишка плюнул: день пропащий –
и глазами затаращил

в угол, где метла валялась...
Крыся все-таки осталась.

Помолчали... Печь трещала...
Где конец, а где начало —
не поймёшь, а всё же надо
и командовать парадом.
Мишка Крысе: «Чё припёрлась?
Нарываешься на твёрдость?
Я ж тебе всегда не радый,
хоть не делаю преграды».

Крыся глазками стрельнула:
«Миша, ветром в дом задуло...
Шла я мимо, вот те крест, —
ни домишечка окрест,
а твой домик — на краю...
Я ж семью себе кую...» —
и сказала, вроде, тихо,
чтоб не знать какого лиха...
Мишка ж выпучил глазищи:
«Ты — не Крыся, ты — Крысища...
Эка, вздумала, корова, —
за поэта все готовы...
Только есть у меня, Крыся,

Девка, Муза. Отчепися».

Крыся сладенько запела:
«Миша, есть такое дело —
дело малое, простое,
но обдумать его стоит».
«Что за дело, балаболка?
Будет хоть немного толка?»
«Будет, Мишенька, не злись,
там такая, Миша, жизнь!
Там тепло и море плещет,
зимние без нүжды вещи,
там луна похлеще нашей,
там и ночью-то не страшно,
там вино, и джин, и виски,
тама есть кого потискать...
Но вот с этим, Миша, — строже:
нашей бабе нужно тоже
быть любимой и любить,
а не только щи варить...»

Мишка, хоть поэт, но... Крыся
поднялась в такие выси,
что поэту — всё загадка.
Михаил икнул украдкой

(тут уж, братцы, не до песен)
и на гвоздь вопрос повесил:
«Что же за страна такая?
Я ведь пóжил, а не знаю».

Крыся тут же – за уздечку:
«А какие там колечки!
А штаны из кожи!
Нам сгодятся тоже».

Мишка просто обалдел:
что – хотел, а что – имел!?
Что же это за напасти:
здесь – жизнь, а там – счастье?..
Видно, жизнь выходит боком
для поэта-многострока...
Видно, он в мечтах витает,
а мечта – она простая:
жёнка, детки и домишко,
да, худое хоть, умишко,
чтобы жить да поживать,
чтобы в Турцию летать,
чтобы счастье – у порога,
чтобы – не подмышкой Бога...

Так и был таков поэт.
И живет уж много лет
без стихов, но с Крысей в паре,
не играет на гитаре
и не верит в чудеса...
Гоп ца дрыца, гоп ца ца...

MON AMI

Заколдованное лето
в белом саване ночей —
будто строчка из куплета:
ты — ничья, и я — ничей...
Ночь запуталась в рассвете
голосами сонными,
только эхо и ответит:
mon ami...

Кареглазая соседка,
поколдуй-ка у костра:
завари чаёчек крепкий,
чтобы выжить до утра...
Ночь запуталась в рассвете
голосами сонными,
только эхо и ответит:
mon ami...

Улетаю, улетаю...
Не держи меня, мой друг:
в небе облачком растаю,
замыкая ночи круг...

Ночь запуталась в рассвете
голосами сонными,
только эхо и ответит:
mon ami...

ЖЕНЩИНАМ, КОТОРЫЕ ЖДУТ

Если бы чёрными днями покорно
небо спускалось мне пледом на плечи...
Если бы двор мой неведомый дворник
мёл неустанно в простуженный вечер...

Если бы ветер все жёлтые листья
выдул из города осенью стылой...
Если бы слал ты мне тысячи писем...
я бы тебе всё, наверно, простила...

В УНИСОН С БУЛАТОМ

На погонах позолота
пропиталась нашим потом.
В никуда из ниоткуда...
Будь солдатом! – Значит, буду!
Я – на мушке, ты – за кружкой...
Я – в окопе, ты – с подружкой...
Я – в земле, а ты – в постели...
Мы ж не этого хотели!!!
Но...
не устану повторять я:
все солдаты в мире – братья!
Все солдаты в мире братья, –
не устану повторять я.

Рвутся жилы... Быть бы живу
моему с тобой призыву.
Кровь не капает, а льётся...
Только флаг российский вьется.
И...
на погонах позолота
пропиталась нашим потом...
В никуда из ниоткуда...
Будь солдатом! – Значит, буду!

Но...

не устану повторять я:

все солдаты в мире – братья!

Все солдаты в мире братья, –

не устану повторять я...

ДУРНОЙ ЗНАК

А на ветру не заполющется беда —
застынут наши замороченные души,
и так захочется тихонечко предать...
чтоб свои души и не слышать и не слушать,
И землю звонкая накроет тишина —
как в предрассвете, — сон неумолимо душит,
и не увижу я из своего окна,
что улетают мною преданные души
в бездонность чёрной от утраты пустоты,
в такую даль — не выразить словами...
И остаемся вместе только я и ты,
и — подлость, подслащённая стихами...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ НАОБОРОТ

Переждём, и всё случится...
Слышишь – кто-то в дверь стучится?
Ночь...
Не случайный ли прохожий
ищет – не находит тоже?
Ночь...
Кто он – этот третий лишний,
что усердствует излишне?
Ночь...
Дует из окна – нет мочи,
не спасёт полоска скотча.
Ночь...

Стыло. Далеко до света.
Как в ушко иглы продета
ночь...
А в зрачках твоих лучистых
будто прячется нечистый.
Ночь...
Нет ответа – почему же
в комнате такая стужа?
Ночь...

Только ждать, когда случится
или кто-то постучится
в ночь...

ПОСТЕЛЬНАЯ СЦЕНА

Лежу в постели, как в нирване,
речным весенним топляком:
расслаблен и немного странен,
с собою будто незнаком;
и в темноте с табачным дымом
вдыхаю бренность бытия...
не бренность же — проходит мимо,
и только простыни хрустят...

Стук в дверь, а я его не слышу, —
не пьян, не болен, не дурак,
но слышу чей-то голос свыше,
как будто в потолке дыра.
А мысли — к черту эти мысли,
их уже некуда девать:
в табачном дыме мысли виснут,
не опадая на кровать.

Сопит жена, не раздражая...
Рассвет в окно. Бессонна ночь.
Кого-то... что-то.... я ... рожаю...
и только некому помочь.

НЕТ, НЕ УСПЕЛ...

А мы не спали до утра...
Мотало лодку у причала,
и новый день искал начало
в золе уснувшего костра...

Плясали тени за спиной,
где только эхо, тьма и ветер...
как будто – никого на свете
за этой липкой тишиной...

Мерцали звёзды в темноте,
как на компьютерном экране,
и отлетало в ночь сознание,
не отражаясь в пустоте...

Рассвет на ниточке висел...
Меня раскачивало между
разлукой, встречей и надеждой...
Нет, не успел... Нет, не успел...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ
С КАРЕЛЬСКИМИ НЮАНСАМИ

Я почти забытый и заброшенный,
что-то слёзы катят, как горошины.
А весна за окнами тягучая —
ты, весна, меня уже замучила.

И ручьи в снегах лежат замёрзшие,
и от этого как будто горше мне.
И в окошке плачет солнце зябкое,
обмотавшись облаками-тряпками.

Не пугай меня ветрами стылыми,
всё равно всегда друзьями были мы.
Если не помру — наполню ветром грудь:
этот ветер стылый выдувает грусть.

Не забыто всё, не позаброшено —
раскатились по углам горошины...
Ох, устал я, братцы, да тереть глаза...
Да, и толку что да всё глядеть назад?

РЫЖАЯ

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Вижу я
рыжую вуаль,
только очень жаль,
что не долгод век —
запорошит снег:
всё опять не так,
за душой пятак...

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Слышу я:
шелестят дожди,
и в трубе гудит,
будто чёрт в ночи
на судьбу ворчит:
всё опять не так,
за душой пятак...

Рыжая,
несомненно, рыжая...
Выждала

и опять блажит...
Хочется пожить,
только – пустота,
да, призор креста:
всё опять не так,
за душой пятак...
Рыжая...

НЕУДАЧНОЕ СВИДАНИЕ

А всё случилось, всё случилось на закате,
когда ласкал вечерний ветер тишину:
в твоей душе уже вершил судьбу создатель,
я ж на свиданье шёл, как будто на войну..
Ведь я не знал, чем завершится этот вечер,
а снег скрипел, ворча моим шагам не в такт,
и в темноте хотелось крыть, но было нечем...
Я спрашивал себя: зачем идёшь, чудак?

А за углом противно лаяла собака,
наверно, чувствуя веление души,
и каждый звук в ночи дурным казался знаком,
который мог меня свидания лишить...
И чьи-то тени появлялись неизменно,
когда уже казалось, что окончен путь,
и кто-то нагло мне давал под зад коленом,
а я не мог в ответ кого-то тоже пнуть...

В боку колело от топтания на месте,
и ноги к полночи хотели на покой,
и если бы не оставалось граммов двести,
то я б давно уже на всё махнул рукой...

Всю ночь промаявшись, я не нашёл дороги,
но в этом нет, конечно же, моей вины:
зимою счастье улыбалось, но... немногим,
а я, пожалуй, подожду и до весны...

СТРАДАНИЯ СТАРОГО БАРДА

Налью в стакан по кромочку
хрустально чистой водочки,
порежу балычок
и буду пить протяжно я,
закусывать с оттяжкой,
кусая за бочок.

А позади колёсики
везут, куда попросите...
а можно – в никуда?
А можно, если хочется:
душа давненько просится,
но... мимо поезда...

Летит звезда нечаянно,
и мы уж не отчаянны –
куда спешить?
С разлуками повенчаны,
давно уже не вечные –
так, для души...

ВРЕМЯ

Время... Что это за штука?
Каждый миг я им застукан,
каждый день и каждый час
время проверяет нас.

Кто — в кусты, я — в чисто поле,
где судьба зовется долей.
Догоняй, ведь не впервой
нам соперничать с тобой!

Кто куда, а я — вдогонку..
Между взрывами — воронки...
Не успею — быть беде:
будут песни, да не те...

Кто за чем, а я — за этим:
чтобы солнце завтра встретить
на рассвете у реки
с незаконченной строки...

ИСПОВЕДЬ БАРДА

Тонка струна, противен звук,
на пальцах вечные мозоли;
в душе и в теле жуткий зуд —
напоминает лепрозорий;
и сны к беде по четвергам...
Конечно, может быть, — пустое:
как и друзьям, так и врагам
мою гитару не расстроить...

Лишь под гарротой* бытие
не назовёшь, пожалуй, скукой...
Судьба, конечно же, — крупье,
а может быть, и просто — сука...
И пальцы путают лады,
наверно, всё-таки, недаром:
не строит сердце — жди беды,
но... не вини во всем гитару.

*Гаррота — орудие пыток в средние века.

МОЙ СЕНТЯБРЬ

В сентябре всё так знакомо:
в сентябре я будто дома,
где все запахи и звуки
так волнуют нас;
где — конец и где — начало,
где всегда есть путь к причалу,
где и встречи и разлуки
свой имеют час.

СОННЫЕ МЫСЛИ

На море шпрехали и пили,
сонливо ели... ветерок
был в про-турецком стиле...
как будто отбывали срок.
Волна облизывала ноги,
и турки пели ни о чём...
Был гид, конечно, но не строгий,
ни в чём почти не уличен.
И солнце строго и надменно
палило прямо в животы —
вздувались на лодыжках вены,
на шеях плавилась кресты...
Прощался кто-то с кем-то где-то —
и слёзы капали в стакан;
все были честно не одеты —
одежда здесь почти изъян...
А полумесяц — это враки:
такая полная луна...
А если выпить чашку раки —
луна останется одна
на небе... Пей, дружок, почаще:
пей летом, осенью, весной —
тогда луну всегда обрящешь...
Нет, — познакомишься со мной.

ДЕВОЧКА ИЗ ОСЕНИ

Девочка из осени —
с проседью, с проседью:
ей семью забросить бы и сбежать,
и лежать в ромашковом
поле без рубашки бы,
и в глазах фисташковых
небо отражать...

МОЙ ДВОРИК

Отпусти грехи, маманя,
от попов не жду пощады:
жизнь — она и так обманет,
если очень будет надо.
От прости и до прощаю
слишком длинная дорога,
я ж не верю обещаньям
ни от чёрта, ни от Бога...

Жизнь вытягивала жилы:
видно, рылом я не вышел;
и душа собакой выла —
кто её на воле слышал?
Что ж вы душу так нещадно...
Ей же нет нигде замены,
на неё б мундир парадный
да портрет её на стену..

Взбаламученные годы
и за взятку не расскажут:
на каком я блюде подан,
кто порежет, кто намажет,

кем я буду соком выжат,
у кого буду в фаворе...
Мне бы снова только выжить
в этом запоздалом споре...

Десять тысяч дней — как в прорву,
как в дыру под чёрным знаком...
Ох, какой кусок оторван
и отправлен по этапу..
Десять тысяч дней... А дворик
мой такой же, как и прежде,
только в центре встанет вскоре
памятник моей надежде!..

НЕ УНЫВАЙ

Будто что-то, будто как-то,
будто где-то за спиною:
между миром и войною,
между холодом и зноем,
между карой и виною,
между бездной и стеною, —
будто гнев сошел на милость,
будто сердце вдруг забилось...
И за каплей капля звонко
струйкой, может быть и тонкой,
льётся жизнь тебе в ладошки...

Пей, но только — понемножку.

ПОДАРОЧНАЯ ПЕСНЯ

Назову себя подарком
и в руках твоих замру..
Мне и холодно и жарко —
трудно быть твоим подарком:
вроде, чувствую, помру..

Назову себя цветочком
и в букете алых роз
буду пахнуть днём и ночью,
щекотать тебя в височек,
доводя до самых слёз...

Назову себя конфеткой
и — к тебе на язычок..
Не глотай поспешно, детка,
я — заветная конфетка:
может, в ней сидит крючок...

Назову себя шампанским
и в бокале зашиплю —
может, просто по-гусарски,
ну, а может, и по-царски
твою жажду утолю...

Назову себя колечком
и на пальчике твоём
буду радовать сердечко –
мы колечком будем вечно
по Земле катить вдвоем!

ПОЛЯРНЫЙ ТОСТ

Сероваты, хмуроваты,
волны, как в бою солдаты,
что на битву с супостатом
замыкаются в ряды
и врываются на сушу,
тонны памяти обрушив, —
там загубленные души:
может быть, и я и ты...

А за серой дымкой где-то
ни детей, ни жёнки нету —
мы на пару с белым светом
в отношениях простых;
а ночами — только слушать,
как волна стучится в уши, —
там загубленные души:
может быть, и я и ты...

А на суше нет дороже
тех, кто рядом быть не может,
и не помнить их не гоже:
не сжигаются мосты.

И закона не нарушить,
ведь на нашей части суши
их просоленные души
будем ждать: и я и ты.

ОПЯТЬ СНАЧАЛА

Чудна холодная постель:
бела, пустынна, одинока,
нет, ну, ни пятнышка порока,
пока не втиснется устало
моя душа под одеяло
и засопит — всегда на пару
с моей простуженной гитарой.
А мне опять лежать и слушать,
как звуки заползают в уши,
и среди измученных мелодий
вдруг песня... ускользает, вроде,
опять звучит, но — как-то странно...
Я понимаю: рано, рано,
не торопи — и так случится,
недаром по ночам не спится,
когда за окнами метель.

НОГИ

(новогодняя почти сказка)

Два голоса ворчали в тишине...
Скрипела ночь несмазанной телегой...
Апостол Павел, кутаясь в кашне,
хрипел ногам, торчащим из-под снега,
не ведавшим житейских передряг..
А ноги точно что-то понимали:
как и у всех пожизненных трудяг,
они дрожали в зоне аномалий...
Один из тех – курчавенький такой –
почувствовал – не избежать скандала,
на ухо Павлу: «Мы-то тут на кой?
Ещё, ей Богу, время не настало...»
Апостол дёрнулся и выдохнул: «Ужо...»
А что – ужо – не понял даже ветер...
А с неба падал медленно снежок,
как будто – никого на белом свете.
А ноги встали... Песня полилась...
Ещё не все потеряно, дружище,
ведь песня ни за что не даст пропасть!
Бывало с нами и куда почище...

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ

Ущипни меня слегка,
чтоб удачу не прошляпить...
Так и тянется рука
жизнь нечаянно облапить.
Чёрным по белу скачу
и смеюсь, и рвусь, и плачу...
Мне бы – старому хрычу –
жить немножечко иначе...

Мне бы пить английский чай
в тихом садике тенистом
и вдвоём с собой молчать,
представляя артистом...
Мне бы дышать неглубоко,
оставляя чуть на коду,
и дешёвым табаком
не загаживать природу...

Мне бы жить с тобой в ладу,
не ворчать в ответ потомку
и всегда иметь в виду –
можно петь, но, чур, не громко...

Доля, может быть, горька —
хоть её бы не прошляпить...
Так и тянется рука
жизнь нечаянно облапить.

ВЕСЕЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕРТИ

или видения на больничной койке

На горушке, ой, да, на горочке —
две сестрички, ой, да, две ёлочки...
А по небу синю, да, — облачко,
как моей милашки, да, попочка.

Загляну я на само доньшко,
а на доньшке нету солнышка,
нету солнышка, нету лучика...
Закушу-ка я, да, огурчиком...

А душа лежит, да, — на блюдечке
с голубою, ой, да, каёмочкой...
Только не нужна никомушеньке
одинокая моя душенька...

Не стабильная, зараза,
смерть: приходит, но не сразу —
ждёт, когда в душе не густо,
чтобы не копать в чувствах;
чтобы выдохнул без фальши,
чтобы не дышалось дальше;

чтобы голос с хрипотцою,
чтоб движения с ленцою...
А когда рванёт на части,
чтоб сказать тихонько: здрасьте...

На горушке, ой, да, на горочке
заждались меня мои ёлочки...
И зовёт меня бело облачко —
как моей милашки, да, попочка.

НА КРАЮ

Воет сухой ветер стылый:
бережёных нет уже, —
так давно судьба не выла
на последнем этаже...
Не реви взахлёб, дуреха,
всё равно патронов нет...
Будет — хуже... Было — плохо...
Не давай ни в чём обет.
На краю стою с ответом,
а вопрос висит в петле —
до ответа от навета
не нужны десятки лет...
Банк сорву — пропью, и точка.
Не сорву — да, не беда:
был не срок, была отсрочка —
не от смерти... от стыда...

ЗАБАЛУЮ

Забалую... А что ещё надо?!
Мужики, наливай первача
и – по первой до первого лада:
чтобы сразу своё откричать,
оторвать, закусить огуречком
и взахлёб – о своём, без балды;
чтоб потом и кричать было нечем,
чтобы не докричать до беды;
чтобы всё до конца, до упора,
чтобы в кровь и – трава не расти;
чтобы встретиться снова не скоро,
а пока всё забыть и простить...

ПРОСТИ

Прости, не помню я, не верю...
а вспомню — одуванчиком:
разлуки, встречи и потери,
девчонки — губы бантиком...
И кто-то дышит, но не может,
и рвётся, но не голосит,
и день как будто бы не прожит,
и мама всё-таки простит.
И за околицей рассветы
закатами кончаются,
уже и лето не одето,
и осень с ним прощается.
И ждёт кого-то кто-то где-то,
и ветер одуванчики
сдувает песнею пропетой,

и мы — уже не мальчики...

А ЧТО ЭТО БЫЛО?

Хлопну стопку на прощанье:
нет ни горя, ни беды, —
просто велено с вещами
да не в первые ряды;
просто не было ответа
на расстрельный на вопрос,
просто вывели до света,
потому что перерос
жизнь, а смерть уж у порога:
отдышись, — куда спешить, —
ведь от Бога и до Бога
ни единой ни души....

ЧТО КОМУ

Кому-то — надо, а кому — не очень...
Кому — награда, а кто — между строчек...
Кто ждет чего-то, а кто ждать не хочет...
Кому зачтётся, кому просто прочерк...
Кому-то — свет, ну, а кому — потёмки...
Кому — сто лет, ну, а по ком — негромко...
Кому — удача, а кому — подножка...
Кому-то — дача, а кому — рогожка...
Кому-то — мясо, а кому и кости...
Кому-то — часто, а кого — проносят...
Кто — атаман, а кто-то и рванина...
Кому — в стакан, ну, а кому — всё мимо...

А мы с тобой не ждали-не гадали,
что будем долго у судьбы в опале,
что будет ночью очень часто сниться
меж волей и неволею граница...

СЛОВЕЦКАЯ ПРОЩАЛЬНАЯ

Хорошо на этом свете
жить и радовать судьбу,
вечерами песни петь ей,
проплывая по небу;
щёлкать пальцами игриво,
приговаривая в такт:
можно, можно жить красиво,
превращая в рубль пятак...
Медь звенит всегда устало,
серебро всегда поёт...
Жизни, брат, не будет мало.
Где там нечет, а где чёт?

А на берег волны катят
друг за дружкой, не спеша,
и стоит у пирса катер...

Всё, устала петь душа...

ЗАГЛЯНУ В СЕБЯ

Загляну в себя: противно
понимать и ждать чего-то,
превращая жизнь в работу
по расписочке фиктивной;
забывать всё то, что было
и, закапывая ночью,
быть бездумно — между прочих —
со своим посконным рылом...
В жизни жутко одиноко:
холодок в душе — слезою,
сердце — дарственной мозолью,
а потом... и смерть до срока...
Смысла нет в бездонной жизни:
рвутся старые страницы,
размываются границы,
тает преданность отчизне...
Загляну в себя: противно...

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ

Рви меня на лоскутки,
распускай на нитки,
режь на мелкие куски,
президент мой пряткий;
шею снова заголи,
голову на плаху...
Я травиночкой в пыли
натерпелся страха...

Ах, куда же и зачем
душеньке в остатке?
Был бы голосок звончей —
ох, и пел бы сладко...
Когда к стеночке вели —
от любви до праха, —
я травиночкой в пыли
натерпелся страха...

Эх ты, доля-долюшка:
жизнь моя — копейка...
Я не вижу полюшка —
горлышко залей-ка...

А за горочкой вдали
солнышко садится...
Я – травиночка в пыли,
ну, плесни ж водицы...

СТРАДАНИЯ (карельские)

За метелями — метели,
за капелями — капели,
а по Западу с Востока
солнце катит как-то боком...
Кабы чё не вышло,
хвост ему в дышло...

В наших северных пенатах
солнце светит воровато,
на заборе — весь в фаворе —
чёрный кот сидит — на горе...
Кабы чё не вышло,
хвост ему в дышло...

Тянут жилы — быть бы живу,
нам с тобою не до жиру:
чёрно-белые закаты,
не бедны мы, не богаты....
Кабы чё не вышло,
хвост ему в дышло...

Верить нам али не верить:
где удача, где потеря,
где разлука, а где встреча,
а где утро, а где вечер?
Кабы чё не вышло,
хвост ему в дышло...

За метелями — метели,
за капелями — капели...
Кабы чё не вышло,
хвост ему в дышло...

ДЕЖА ВЮ

На пустынном берегу
мне неведомого моря
след чернеет на снегу —
то ли счастья, то ли горя...
Пляшет солнце на ветру,
и виденье в дымке тает,
будто в чёрную дыру
улетаю, улетаю...

Не сомкну до света глаз
и, таращась в дыры окон,
буду ждать за всех за вас
и внимать безумным строкам...
Буду вглядываться в тьму
и... до смерти всё же верить:
счастье — только потому,
что не верю я в потери...

И пускай на берегу
мне неведомого моря
остаются на снегу
след и счастья, след и горя...

Пусть и солнце на ветру
пляшет, ластится и тает,
будто в чёрную дыру
улетаю, улетаю...

ЭПИЛОГ

НЕ ЖАЛЕЙ

Не жалея меня, удача,
погоняй по кругу:
я давно уже не мальчик,
чтобы ждать подругу.
Злее, злей, не жалея,
лучше стопочку налей.

Нет и не было удачи,
был и буду рыжим...
Я живу, а это значит:
снова, братцы, выжил.
Злее, злей, не жалея,
лучше стопочку налей.

Балаболка-жизнь... Ответа
нет и быть не может:
вроде осень, вроде лето —
нету их дороже.
Злее, злей, не жалея,
только стопочку налей.

Просто холодно, похоже — навсегда...
Не согреюсь «Беломорканалом»...
Жизнь была и... вдруг её не стало...
На лице — ни пользы, ни вреда.

Просто холодно, похоже — изнутри...
Душу не согреешь даже водкой...
Жизнь легла верёвочкой короткой,
будто кто её нечаянно остриг...
Просто холодно...

РОЗОВЫЙ ТУМАН

Мы улетим с тобой, как птицы,
к теплу, за синие моря,
с туманом розовым проститься,
сорвав листок календаря...

И смоят волны океана
шагов запутанных следы,
и облака в тумане канут
на фоне розовой воды;
и всем назло под шум прибоя
скользнём по кончику зари,
и будет чудиться порою,
что мы над волнами парим...

Мы на краю земли оставим
всё, что сбылось и не сбылось, —
на тёмных пятнышках проталин, —
и душу — мокрую насквозь...

ТАКАЯ СТРАННАЯ РАБОТА

Не затаить в глазах разлуку,
как и не спрятать эту боль,
а за разлукой – только мука
от расстояния с тобой...

И не успеть простить до света,
и не уснуть до петухов,
и не найти в ночи ответа,
как – ненаписанных стихов...

И не дойти до поворота,
и не понять, и не забыть...

Такая странная работа:

ЖИТЬ...

КОГДА ПАДАЮТ ЗВЕЗДЫ

Полетела звёздочка... О чём-то
чья-то пригорюнилась душа —
одинокой, жалкой собачонкой,
у которой в жизни — ни шиша:
даже нет простой собачьей будки,
где бы можно ночку скоротать,
а не то, чтоб — даже просто в шутку —
той звездой в момент паденья стать...